

ИНТЕРВЬЮ МЕМОАРИ ПОД ГРИФОМ
«СЕКРЕТНО»

ЛЕОНИД ЭЙТИНГОН

ПИСЬМА ИЗ ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Леонид Эйтингон
Письма из
Владимирской тюрьмы
Серия «Мемуары под
грифом «секретно»»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564953
Леонид Эйтингон Письма из Владимирской тюрьмы:
ISBN 978-5-907028-76-0

Аннотация

О генерале Н. И. Эйтингоне, «асе» внешней разведки, известно и написано немало. В данной книге он предстает в новом, непривычном для читателей образе – любящего мужа, заботливого – отца и деда. В основе – письма, написанные им семье во время 11-летнего заключения, с небольшими пояснениями. Необычна и судьба его падчерицы – Зои Зарубиной, интересные факты из ее биографии приводятся здесь. Книга дополнена документами и большим числом фотографий из семейного архива, многие из них публикуются впервые.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леонид Эйтингон

Письма из

Владимирской тюрьмы

Серия «Мемуары под грифом секретно»

© Козлова Т. В., автор-составитель, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

*Средоточием нравственности является долг.
Сухомлинский В. А., русский и советский педагог*

Предисловие

«Отдать на благо Отечеству...»

Он родился в XIX веке, всего за несколько дней до прихода в Россию нового столетия. И если во время событий революционного 1905 года он был слишком мал, то мировую войну Наум Эйтингон воспринял сознательным юношей. В последующие годы, казалось, его ожидала карьера коммерсанта, если бы не новая революция. Правда, в февральские дни 1917 года будущего чекиста-нелегала увлекла эсеровская идеология.

Пришел Октябрь 1917 года. Он член местных Советов в Могилеве и губпродкома, живет в условиях германской оккупации. В 1919 году активного юношу заметили и направили на московские курсы работников кооперации, затем возвратили в Белоруссию. Здесь, в Гомеле, Эйтингон вступает в ряды РКП(б). Он остается верен делу большевизма до последних своих дней, даже побывав в тюремных застенках.

Именно эта преданность делу всей его жизни – Отечеству, партии, госбезопасности искренне звучит в его послании из тюрьмы, где он оказался, будучи арестованным по «делу о сионистском заговоре в МГБ» в пятидесятые годы. В нем Наум Исаакович благодарит судьбу «за ту хорошую, честную, полную интереса и смысла жизнь», которую он прожил, и за

оказанное доверие, которое он всегда старался оправдать.

Преданность делу подтверждалось тремя десятилетиями работы в органах госбезопасности на тайном фронте с 1920 года, большая часть которых прошла в условиях антитеррористической борьбы с нелегальных позиций.

Человеческая судьба этого паренька из небольшого белорусского городка удивительна, а профессиональная – уникальна. Путь Наума Исааковича от рядового до генерала органов госбезопасности тесно связан с трагическими событиями первой половины XX столетия – Гражданской и Финской войнами, Великой Отечественной войной и борьбой с германским и испанским фашизмом.

В 1920-е годы молодой оперуполномоченный сумел проявить себя в борьбе с антисоветскими заговорщиками и бандитскими отрядами в Белоруссии и Башкирии. Был ранен. Перспективного сотрудника направили учиться на Восточный факультет Военной академии РККА. Затем последовали длительные и краткосрочные командировки в Скандинавию, страны Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока, в Америку.

В Маньчжурии Эйтингон провел ряд операций против провокаций китайских националистов, в защиту сотрудников Генконсульств и военных советников в зарождающемся Красном Китае. Когда началась Гражданская война в Испании, мир стал свидетелем нарастания экспансии фашизма и втягивания в новую мировую войну. Эйтингон в числе 12

сотрудников советской разведки с боевым опытом был направлен в Мадрид. Здесь он стал одним из руководителей операции по развертыванию боевых действий трехтысячной бригады разведывательно-диверсионного движения в тылу войск мятежного генерала Франко.

Будучи патриотом, Эйтингон вполне искренне считал злейшим врагом Советской России Льва Троцкого, создателя Четвертого интернационала. Эта международная организация ориентировалась не столько на мировую революцию, сколько на борьбу со страной Советов и всеми теми, кто ее поддерживал. Ликвидация Троцкого упредила появление коллаборационистского движения в канун нападения Германии на СССР и в ходе временной оккупации германскими войсками территории Союза.

Огромная заслуга Наума Эйтингона – в стремительной организации действенного сопротивления в тылу войскам вермахта. Неудачи первого периода начала войны на советско-германском фронте потребовали новых форм борьбы, таких как широкая сеть подполья, спецпартизанские отряды и масштабная активность разведывательно-диверсионных групп.

Как отмечал начальник 4-го управления (разведывательно-диверсионного) НКВД Павел Судоплатов, его заместитель Эйтингон был одним из результативных создателей и руководителей знаменитой Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). А это два полка в

10 тыс. бойцов-добровольцев. Они провели в тылу врага более 2 тыс. операций. Из рядов бригады вышли более 20 Героев Советского Союза. А ее организаторы – Судоплатов и Эйтингон – еще в годы войны были удостоены награждения полководческим орденом Суворова.

Статистику боевых действий бригады (подпольщиков, партизан, разведчиков-диверсантов) приводит в своих воспоминаниях генерал Судоплатов: «уничтожили 157 тыс. немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили более 2000 агентурных групп противника...»

Активные действия широкого фронта партизанского движения и специфическая работа ОМСБОН предопределили полный срыв экономической политики Третьего рейха на временно оккупированной территории Союза.

Близко знавшие генерала Эйтингона отмечали его простые «человеческие черты»: «он буквально очаровывал людей», «его главным оружием были ирония и юмор», «он несколько не был похож на высокопоставленного бюрократа», отличался «полным отсутствием интереса к деньгам и комфорта в быту...». И ко всему этому имел высокую многостороннюю эрудицию и знал шесть иностранных языков.

Именно о человеческих чертах и совсем немного о профессиональной деятельности генерала Эйтингона рассказывается в предлагаемой читателям книге. Автор – Татьяна Васильевна Козлова, лингвист и переводчик, любимая внучка

Эйтингона.

С самого рождения Татьяну Васильевну окружали необычные люди. В жизни с раннего детства она опиралась на плечи трех дедушек и трех бабушек. Причем трое из них были разведчиками-нелегалами с яркими профессиональными и человеческими судьбами. Это – сам любимый дедушка Лёня (Эйтингон) и дедушка с бабушкой – легендарные нелегалы Василий Михайлович и Елизавета Юльевна Зарубины. А мама? Зоя Васильевна Зарубина? В двадцать лет ее забрасывали в глубокий тыл врага в ныне широко известный спецпартизанский отряд будущих Героев Советского Союза – Дмитрия Медведева и Николая Кузнецова.

Автор избрал не совсем обычную форму изложения в публикации. Начинается книга с краткого введения в атмосферу «вокруг дедушки» с упоминанием десятков имен ярких исторических личностей. Эти строки полны тревожности, навеянной письмами любимого дедушки из тюрьмы. Во введении просматриваются настроения, лучше всего выраженные в афоризме «ликуя и скорбя».

В основной части книги приведены письма-исповеди бывшего человека. Они идут из-за тюремной решетки. И автор оставляет их содержание на суд читателей, минимально комментируя полные философского звучания строки.

Но необычность формы изложения не изменяет государственной и патриотической направленности писем и не снижает их роль в осмыслении истории. Именно о таких истори-

ческих заметках говорил славный русский историк государства Российского Николай Михайлович Карамзин: «История... есть священная книга народов: главная, необходимая; ...скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего...».

Как представляется, главная ценность книги – в ее достоверности. В письмах-рассуждениях об особенностях жизни в Советском государстве и письмах об органах госбезопасности ищущий правду читатель найдет немало открытий.

О генерале Эйтингоне следует говорить, как об одном из значимых для Отечества разведчиков. Ответственное отношение Эйтингона, который имел твердое убеждение: все, что могу, отдам во благо Отечества, показывает яркий пример служения Родине.

Генерал Эйтингон до конца исполнил свой гражданский и профессиональный долг. Его подвижническая жизнь отмечена высшими наградами страны: двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и другими (см. приложение).

Из жизни генерал ушел в 1981 году. Только в 1992 году он был реабилитирован, и семье возвратили на вечное хранение его боевые награды, среди которых – полководческий орден Суворова.

Сегодня, когда терроризм подошел к порогу нашего Отечества, требуются бойцы антитеррора. И это не цинизм,

этого требует обстановка в ситуации навязывания условий извне. Речь идет об устранении только тех террористов, руки которых по локоть в крови невинных людей. А этих убийц готовят сильные мира сего по обе стороны Атлантики.

Вот почему о таких профессионалах, как генерал Эйтингон, говорят: стране Советов всегда везло на преданных Отечеству людей.

*Анатолий Максимов,
ветеран внешней разведки,
почетный сотрудник госбезопасности*

Моему внуку Егору Павлову

Часть первая

Мой дедушка Лёня

Я счастливый человек, мне в детстве повезло. В отличие от большинства семей, у меня было три бабушки и три дедушки, что в некотором роде компенсировало отсутствие отца. Все они любили и баловали меня. Родители: папа – курсант военного училища и мама – студентка ИФЛИ (институт философии, литературы и истории) – поженились летом 1940 года, будучи совсем молодыми. Это был так называемый студенческий брак, который, к сожалению, продлился недолго.

Мой рассказ сегодня об одном из дедушек. О том, в чьем доме я росла, под влиянием кого сформировалась как личность, от кого многому научилась и кого люблю и помню до сих пор, хотя со времени его смерти минуло более 35 лет. Это отчим моей мамы – дедушка Лёня, Наум Исаакович Эйтингон (по другим документам Наумов Леонид Александрович).

Я долго колебалась, стоит ли предавать огласке сугубо личные письма дедушки Лёни из Владимирской тюрьмы. Но... в последние годы было столько написано и сказано о нем, его заслугах перед Родиной и его личной жизни, появилось столько вымыслов и фантастического, что – как писал

наш великий классик, правда, совсем по другому поводу – не могу молчать.

Из всех ныне здравствующих я единственная, кто прожил рядом с этим незаурядным, замечательным человеком много лет. Обидно, что практически ни один из авторов «воспоминаний» ни разу не обратился ко мне за справочным материалом. Вдвойне обидны многие ошибки и даже нелепости, которые приходится слышать, видеть и читать. Особенно потому, что они касаются близких мне людей. И потому для сомневающихся в подлинности моих воспоминаний в конце книги приложены копии некоторых документов.

Ничего, кроме саркастической усмешки, не вызывает, например, попытка взять интервью у моего сына, которому на момент смерти деда было всего семь лет. Жили мы к тому времени отдельно, и Алексей с ним виделся от силы 2–3 раза. Кстати, до сих пор по страницам многих изданий гуляет упоминание о нем как о внуке прославленного генерала. Мой сын Алексей Александрович Козлов – отнюдь не внук, а правнук Эйтингона.

Что уж говорить о близкой родственнице, «запомнившей» и рассказывающей о том, как мы жили во время заключения деда, когда ей на момент выхода Леонида из тюрьмы в 1964 году исполнилось всего три годика.

Те немногие близкие Леониду люди, которые часто бывали в доме и поддерживали с ним неформальные отношения до и после ареста, – так же, как и он, репрессированные гене-

ралы Михаил Ильич Белкин, Леонид Федорович Райхман и Рамон Меркадер (о нем чуть позже), наверное, многое могли бы рассказать. Но, к сожалению, ни разу не написали и публично не сказали ни слова. И неудивительно: такие были времена, и такова была специфика их работы.

Я родилась в Москве за двадцать дней до начала войны. Первые детские воспоминания связаны с трехкомнатной квартирой на 2-й Троицкой улице, где, кроме нас с мамой, жили бабушка Оля, дедушка Лёня и их дочь, моя тетя Света, тогда студентка медицинского вуза.

Много фантастического связано с фамилией и происхождением моей бабушки Оли. Даже П. А. Судоплатов в первом, американском издании своих мемуаров (Special Tasks) не избежал здесь ошибки. Поэтому разъясняю: моя бабушка (в девичестве Васильева) Ольга Георгиевна родилась 5 июля 1899 года в Москве, в семье ремесленника. Кроме нее, в семье были старший брат Федор и две младшие сестры – Валентина и Александра. Дедушка Леонид неоднократно вспоминает о них в своих письмах и благодарит за помощь его семье. В 1919 году бабушка Оля вышла замуж за Зарубина Василия Михайловича. В 1920 году (5 апреля) у них родилась дочь – моя мама Зоя.

Под своей девичьей фамилией бабушка с дедом и дочерью позже уехала в командировку в Китай. И только в 1929 году перед отъездом в Турцию уже со своим вторым мужем – дедушкой Лёней – получила документы на фамилию деда,

данную ему по легенде, – Наумова. Ее же в это время носила и моя мама. Под именем Зоя Наумовффа она обучалась в Стамбуле в английской школе. По возвращении в Союз документы никто не исправлял. Так и прожила моя бабушка всю свою жизнь и даже была похоронена под фамилией, которая к ней не имела прямого отношения.

На родной мне Троицкой улице я закончила 1-й класс. И вот в один прекрасный день дедушка, придя с работы, пригласил меня поехать и посмотреть нашу новую квартиру. Она была на улице Чкалова (сейчас Земляной Вал), в знаменитом доме 46/48, и находилась на 8-м этаже с окнами за три стороны. Оттуда открывалась потрясающая панорама города, видны были даже Кремлевские звезды. Когда мы переехали, дом еще не был полностью сдан, и отделочные работы выполняли пленные немцы. В поисках питания они иногда заглядывали в окна и предлагали нехитрые поделки. Мне они запомнились молодыми и веселыми, что никак не вязалось с образами гитлеровцев на экранах.

Наш дом на Троицкой и особенно на Чкаловской был очень радушным и гостеприимным и всегда полон гостей. За ужином за стол садилось не меньше 10 человек. Бабушка, не забывая о язве деда, очень хорошо готовила, умела и любила красиво сервировать стол. С тех еще пор я усвоила, где должна стоять тарелка для хлеба, и ряд других так называемых «премудростей». Выпивали тогда совсем немного. Но какие были интересные разговоры! Они, как правило, каса-

лись тех стран, в которых побывали мои родные. Было много шуток, розыгрышей. А так как в доме имелось пианино, то кто-то из друзей частенько музицировал. В те вечера, когда мы оставались одни в кругу своей семьи, предпочитали карточную игру «в кинга»¹. Понятно, выигрывала та пара, в которой был дед.

Дедушка Лёня в полной мере заменил мне отца. С ним мы часто вдвоем ходили в кафе-мороженое, а в магазинах выбирали мне пальто и форму. На замечание продавщицы «Какой у тебя, девочка, заботливый папа» я с гордостью возражала: «Это мой дед». Ему было тогда 48–49 лет, и выглядел он моложаво.

Дедушка меня любил, и я отвечала ему взаимностью. Ему хотелось, чтобы я обучалась музыке, а я с неохотой садилась за инструмент. Но использовала свои детские хитрости – караулила на балконе, когда подъедет его машина, и начинала играть.

В деревне, куда мы с бабушкой выехали по совету врачей для поправки моего здоровья, я на отдельной грядке к его приезду выращивала зеленый салат, который он любил.

Все мое счастливое детство прошло с дедушкой Лёней и бабушкой Олей. Мама представлялась мне какой-то недосягаемой кинозвездой – молодая, красивая, в лаковых туфлях на высоченных каблуках и с яркой помадой на губах.

¹ Карточная игра, пришедшая в Россию из Англии. Часто называют «дамским преферансом». – *Прим. ред.*

Ее я видела не столь часто, хотя жили мы все вместе. Помимо работы в органах госбезопасности, мама обучалась на вечернем отделении института иностранных языков. Диплом с отличием она получила в 1951 году, закончив пятилетний курс за три года. Благо, иностранным языком владела с детства и имела к тому времени немалый переводческий опыт. Несмотря на молодость, ей доверили работу на знаменитых конференциях глав трех великих держав – СССР, США и Великобритании – в Тегеране, Ялте и Потсдаме. За участие в конференции в Тегеране она была награждена Орденом Красной Звезды.

Одно из наиболее ярких детских воспоминаний – поход вместе с дедом на парад на Красной площади. Будучи непоседливым и чрезмерно активным ребенком, я скакала по трибуне для почетных гостей, что не поощрялось. Зато увидела, как из маленькой дверки в Кремлевской стене, позади Мавзолея, выходил сам Сталин.

Позднее, будучи зрелым, солидным человеком, я выступала перед иностранцами, рассказывая о нашей прошлой советской жизни, и пыталась, в частности, объяснить, как мы относились к «вождю народов». Отлично помню, что тогда было принято обращаться к генералиссимусу с клятвами и обещаниями. И я решила не отставать – написала письмо тов. Сталину, обещая закончить первый класс только на «хорошо» и «отлично». Могу себе представить, что чувствовала мама и другие родственники, когда я сама пыталась отпра-

вить это письмо. Прекрасно помню, как горько рыдала, когда в конце года получила одну тройку: я же обещала самому товарищу Сталину.

Спасибо близким, что не пытались меня переубедить, – серьезное осознание и переосмысление происходившего в нашей стране пришло гораздо позднее – во время «взросления», удачно совпавшего с «оттепелью».

...Детство оборвалось в один миг, когда деда Лёню арестовали в первый раз в 1951 году. Взрослым стало не до меня. А меня притягивала улица и дворовые друзья-приятели. Начались прогулы в школе (до сих пор помню, что круг метро по кольцевой – около получаса), шатания по проходным дворам и крышам старых заброшенных зданий. Все это было.

Спасло увлечение спортом – легкой атлетикой. Я всегда быстро бегала, быстрее всех мальчишек в классе, за что во дворе получила прозвище «ЗИС-110» (если кто не знает, это лучший советский престижный автомобиль того времени).

В первый раз, выступая на первенстве района и не зная никого из своих соперников, победила известную чемпионку. И меня пригласили в детскую юношескую спортивную школу для регулярных тренировок. Думаю, это помогло не пойти по кривой дорожке.

Деда арестовали... Обстановка в доме резко изменилась, «друзья» и многочисленные гости словно испарились. Мне было странно наблюдать за резким изменением поведения

многих жильцов дома. Раньше, сталкиваясь со мной в лифте, они с приторными улыбками просили передать привет деду (в доме жили сотрудники КГБ), а сейчас при встрече уже не удостаивали вниманием и отворачивались.

Надо сказать, что в начале 1950-х в нашем доме часто проходили аресты, были и случаи самоубийств. Это серьезно изменило саму атмосферу проживания – все взрослые подозревали всех, боялись проявить дружеское участие к семьям внезапно арестованных. Правда, были и исключения. Помню, что сначала арестовали генерала Белкина, и дед приглашал его сыновей – моего ровесника Илью и его старшего брата Игоря – к нам домой. О чем они говорили, не знаю. Но такая поддержка в то время многого стоила.

Они (Белкины-старшие, Михаил Ильич и Ольга Ивановна) отплатили мне сторицей. В те годы, когда дедушка Лёня сам оказался во Владимирской тюрьме, двери их дома в любой час для меня были открыты. Я до сих пор благодарна им за то, что они помогли мне преодолеть сложный подростковый период «разброда и шатаний». Кстати, жили они тогда (репрессированные и освободившиеся, но не реабилитированные) после традиционного уплотнения в одной из комнат своей бывшей квартиры, ставшей коммунальной. Причем вместе с семьей своего сына Ильи.

Сейчас, вспоминая свое детство и окружающую обстановку, могу сказать, что ничего особенного и шикарного в нашем доме не было: разве что, возможно, тоже приехавший из

дальних стран буфет-горка с резными ножками, стеклянными дверцами и тяжелой мраморной доской сверху, тогда это была большая редкость; огромный шкаф, в котором частично размещалась посуда и в основном книги; комод в спальне у деда и бабушки; кушетки с валиками под голову, видимо, из Китая. Словом, никаких гарнитуров из карельской березы. Высокое общественное положение деда, в то время он был генерал-майором МГБ, никак не отражалось на нашем интерьере.

Зато помню, было очень много книг в паре больших книжных шкафов. Пока семья после ареста деда не смогла адаптироваться к новой реальности, некоторое время мы жили их продажей. Книги складывали стопками у стены в столовой. Я выбирала что-то для чтения, но через несколько дней они куда-то исчезали, их место занимала новая стопка.

Мама Зоя в это время заканчивала вечернее отделение иняза. Войну она встретила студенткой второго курса ИФЛИ с новорожденной дочкой на руках. Хорошее владение языком, жизненный опыт и, главное, характер помогли ей закончить пятилетний курс за три года. Разбирая недавно ее документы, я была несказанно удивлена – мама, а она была хорошо известным и высоко ценимым педагогом, в своем красном дипломе с отличием имела «четыре» по педагогике. Знали бы ее преподаватели, что вся последующая жизнь Зои Васильевны будет неразрывно связана с педагогикой, что отмечено и высокой правительственной наградой – орденом

«Знак почета», и, что гораздо важнее, доброй памятью сотен воспитанных и выпущенных ею во взрослую жизнь перwokлассных специалистов.

В семье, теперь из четырех человек, работающей была только мама. Светлана еще училась в институте. Бабушка много часов выстаивала в очередях в Бутырку с передачами для дедушки Лёни и очень экономно вела домашнее хозяйство.

Мама, в годы войны боец ОМСБОН и до ареста деда сотрудник госбезопасности, была вынуждена уволиться из органов. К счастью, ее взяли на работу на вечернее отделение факультета английского языка, которое она незадолго до этого окончила. С самого начала она объяснила декану факультета Виктору Шмидту, что из семьи репрессированных. Но его это не смутило, он ответил: «здесь многие в таком же положении». Так началась ее блестящая в дальнейшем карьера педагога и продолжилась – синхронного переводчика.

Никто маму в иняз не устраивал, никто за нее не просил директора Варвару Алексеевну Пивоварову, как упоминается в некоторых мемуарах. Своими знаниями, умом, деловыми качествами она завоевала уважение коллег и директора и была выдвинута сначала на должность секретаря парткома, а потом и декана факультета английского языка.

Маме неоднократно неофициально советовали: «зачем ты в анкете пишешь про репрессированного отчима, у тебя есть отец, заслуженный человек, и сразу все твои проблемы ре-

шатся сами собой». Но для нее такое было неприемлемо. Она рассматривала это как предательство близкого, горячо любимого человека. (Отец мамы – Василий Михайлович Зарубин – генерал-майор, ветеран внешней разведки, награжденный многими орденами и медалями, включая два ордена Ленина.)

Зоя Васильевна, или, как мы любовно называли ее, З.В., искала любую возможность дополнительного заработка. К счастью, желающих получать уроки живого разговорного языка было немало.

...В марте 1953 года я, стоя в подъезде у лифта, увидела в начале лестницы деда, в накинутой на плечи генеральской шинели. Чуть позади ординарец нес узелок с вещами. Когда мы оказались перед дверью квартиры, я, звоня, радостно кричала: «Бабушка, ты только не волнуйся, я с дедом». Мое предупреждение не сработало: как только открылась дверь и она его увидела, тотчас же упала в обморок. А он пытался ее поддержать.

Кстати, в некоторых мемуарах указывают, что он за время своего первого ареста похудел на 40 килограммов, что просто невозможно. При росте 176–178 см он до ареста был «упитанным мужчиной приятной наружности». Видимо, речь шла о 40 фунтах, а это приблизительно 18 килограммов – что больше похоже на правду.

Там же, в Лубянской тюрьме, у него обострилась болезнь желудка, «наследие» Гражданской войны, а на левой проопе-

рированной в те же тревожные годы ноге образовались язвы. Раненая нога... Видимо, она его беспокоила постоянно, что, однако, не сказывалось ни на его настроении, ни на его поведении, ни на походке. Но в одной публикации о дед я с удивлением прочла, что после серьезной операции он хромал – это нелегал-то, с такой яркой и характерной приметой?!

С возвращением дедушки Лёни из тюрьмы в доме вновь закипела бурная жизнь: радостные лица, масса знакомых и малознакомых людей. Но...

Веселье и радость обретения близкого человека были недолгими. Всего через полтора года... его опять арестовали, на сей раз как «приспешника» Берии. Я хорошо помню тот день, он был солнечным, и дед был спокоен. На прощанье я отдала ему свои карманные деньги, наивно полагая, что он сможет ими воспользоваться. А потом...

Очень долго, более полусуток, шел обыск. Помню, как глубокой ночью меня переводили спать в другую комнату. Понятые – жильцы нашего дома были несказанно удивлены «убогой», на их взгляд, обстановкой: ни картин, ни ковров, ни полированной мебели.

Как и в первый арест, все вернулось на круги своя. Думаю, нет необходимости описывать быт и будни семьи репрессированного «врага народа». Это уже прекрасно сделано и Л. Чуковской, и Е. Гинзбург, и многими другими.

А жизнь постепенно брала свое. В доме появились новые друзья – в основном коллеги мамы, пара бабушкиных подруг

из китайского периода и... родители маминых учеников.

Вначале их отношения строились по принципу «работодатель – учитель». Но постепенно, оценив незаурядность и обаяние мамы, они становились друзьями. Многие главы этих семей (Пузановых, Ивановых, Сосниных, Лобановых, Графовых, Гуськовых, да простят меня те, кого не упомянула, которые желали не просто сочувствовать, а помочь) играли не последнюю роль в нашем государстве.

Именно с их помощью передавались прямо в ЦК (без канцелярской волокиты) прошения о помиловании деда и другие официальные заявления. Эти ранее незнакомые и чужие нам люди делали все, чтобы облегчить наше существование и расцветить серые будни. Со многими из них мы сохраняем добрые отношения до сих пор. А с некоторыми дружит уже наше третье поколение – внуки.

Так еще в ранней юности я получила отличный пример щедрости и отзывчивости человеческой души. Ведь все эти люди занимали ответственные посты и могли пострадать за то, что помогали нам. Но впервые на примере своей семьи я убедилась, что зачастую официальная позиция государства значительно расходится с отношением к происходящему отдельных личностей, и надо уметь это различать.

Отдельного рассказа заслуживают наши поездки во Владимир на свидания с дедом. Во Владимирскую тюрьму деда перевели после трех с лишним лет пребывания в следственном изоляторе. Позднее из наших и иностранных публика-

ций я, к своему глубокому удовлетворению, узнала, что во время следствия дед не подписал ни одного признания и не дал ни одного показания против других людей. Согласитесь, что в те времена это было большой редкостью.

Условия содержания там отличались от нынешних. С изумлением прочла, что находящийся под следствием бывший губернатор Кировской области Никита Белых, молодой еще человек, недоволен объемом ежемесячных посылок – всего 30 кг, ему этого недостаточно. А как насчет 5 кг и изнурительного, унижительного торга бабушки с непреклонной приемщицей за каждую лишнюю котлетку для больного, немолодого уже человека?! И посылки, и передачи были отнюдь не ежемесячными.

В те времена добираться до Владимира было непросто. Бабушке, которая в конце 1950-х перенесла первый тяжелейший инфаркт, дорога давалась вдвойне нелегко. Пару раз ездили туда на автобусе, дорога в один конец занимала 4–5 часов в зависимости от погоды. Но потом мама смогла оплачивать аренду большой вместительной легковой машины ЗИМ на целый день.

Ездили на ежемесячные свидания – бабушка, мама, одна из сестер деда, Светлана, иногда брали меня. Свидания – один час: проходили в маленькой, тесной, полутемной комнатке, в углу на стуле – часовой. Объятия и поцелуи запрещались. Много о содержании этих свиданий расскажут письма Леонида.

Но об одной детали, которая там не упоминается, хотелось бы вспомнить. Дед с особым нетерпением ожидал новостей от мамы – как продвигаются его дела. При этом приходилось говорить полунамеками – ну, например, мама: «Петр Петрович считает, что надо...» Дед: «Попроси Ивана Ивановича...» Упоминались только им двоим известные люди и обстоятельства. Но даже такой невинный на первый взгляд разговор прерывался охранником: мол, не говорите загадками.

Воспоминаний и положительных эмоций от свиданий хватало надолго. А свои впечатления дед излагал в письмах.

Надеюсь, читатель обратит внимание на стиль и грамотный, хороший русский язык человека, фактически не имевшего полноценного высшего образования. На вряд ли два года заочного обучения в академии имени Фрунзе можно считать таковым. Не сомневаюсь, что лишь немногие из современных генералов способны столь просто и грамотно выражать в письме свои мысли.

Эти письма (разрешалось не более двух в месяц) бережно хранились в нашей семье, но при многочисленных переездах некоторая, незначительная часть их была утеряна.

Сказать, что письма мои к нему и часть, адресованная мне, значили очень много, – это не сказать ничего. Степень моего доверия к деду характеризует хотя бы тот факт, что свои первые юношеские стихи я доверяла только ему. С ним советовалась, как поступить, жаловалась на непонимание со стороны старших. Он же первый обратил внимание на мои

способности к письму и рекомендовал всерьез этим заняться.

Полагаю, эти письма помогут побороть стереотипы, которые возникают после прочтения российских и зарубежных изданий, где создается образ «убийцы», «карающего меча», одним словом, жестокого, бездушного исполнителя чужой воли. Он, безусловно, таким не был. Это был хорошо образованный (в основном за счет самообразования), эрудированный, владеющий несколькими иностранными языками, культурный, широко мыслящий человек, преданный своей Родине, идеалам, в которые свято верил. Не случайно под его ненавязчивым, невидимым влиянием я вступила в ряды КПСС, будучи студенткой.

В тюрьме у деда не только обострились старые болезни (с этим связаны его упоминающиеся просьбы о медицинском поясе), но и появились новые – в их числе раковая. Оберегая бабушку от возникновения новых треволнений, он сообщил об этом только своей сестре Соне, первоклассному врачу. Благодаря усилиям мамы и помощи некоторых высокопоставленных генералов разрешили, чтобы операцию деду сделал врач «с воли». Тетя Соня смогла уговорить лучшего на тот момент хирурга – профессора Минца – выехать во Владимир.

Мама всегда говорила, что считает своим самым большим достижением то, что удалось договориться о приезде в тюрьму столичного светила и проведении им операции. Это, без-

условно, надолго продлило жизнь любимого ею и всеми нами человека.

Периодически, пытаясь со стороны, что нелегко, оценить жизнь деда и особенно его «владимирский период», я пришла к выводу, что ему помогли выстоять и прожить до 80 лет четыре неравнозначных фактора. Прежде всего сила воли, желание выжить и доказать свою невиновность. Безусловно, немаловажную роль сыграла поддержка и любовь родных и близких. Некоторое ограничение информации о повседневной жизни и проблемах, а значит, сокращение стрессов. И, как ни странно, ограничения в еде – полное отсутствие вкусных и одновременно вредных продуктов.

Маме удалось с помощью некоторых официальных лиц добиться, чтобы полтора года, проведенных дедом в тюрьме в 1950-е годы, были засчитаны в отбываемый 12-летний срок. И дед вернулся домой, к нам на улицу Качалова (сейчас – Малая Никитская), как отсидевший весь срок. У ворот печально знаменитого «Владимирского централа», помимо родных, его встречал давний и верный друг семьи – Иосиф Гарбуз.

В 18 лет пришел Иосиф Михайлович в ОМСБОН, одним из руководителей которого был дед. В 1942 году, геройски проявив себя, получил серьезное ранение под Сталинградом. Восстановился, служил в разведке, дошел до Берлина, был отмечен множеством боевых наград. После войны занялся хозяйственной деятельностью, где тоже преуспел. Как

мне рассказывали друзья, когда он на День Победы впервые надел свои ордена – на работе все ахнули.

Он никогда не оставлял нашу семью без помощи и внимания. Мама и Ося, знакомые еще со школы (он был на пару лет моложе), так и прожили свои жизни, помогая друг другу. И в той, другой жизни он не ушел далеко от нашей семьи. Теперь его прах покоится недалеко от могилы бабушки и деда – на Донском кладбище.

С возвращением деда в обычную жизнь было все не так-то просто. Для приобретения официального статуса ему следовало прописаться. Вначале для деда прописка была временной, и раз в неделю нужно было отмечаться в отделении милиции. И только в 1966 году он получил постоянную прописку на улице Качалова. К тому времени в небольшой квартире жили мама с отчимом, бабушка с дедом и я.

Буквально на следующий день после приезда из Владимира к нему пожаловал незнакомый человек, и они о чем-то долго беседовали. На другой день по ТВ шел очередной фильм о разведчиках, и его комментировал вчерашний незнакомец. Так я еще раз получила подтверждение невиновности деда. Ведь его посетил один из ветеранов разведки. И вновь убедилась в различии государственного и личного подходов к отдельным событиям и людям.

Одним из первых и постоянных наших посетителей стал Рамон Меркадер, незадолго до этого вернувшийся из мексиканской тюрьмы, причем через Чехословакию. Деда связы-

вали с ним не только деловые, но и теплые, доверительные отношения. Многие праздники – Новый год – 7 ноября мы отмечали с семьей Рамона. Он никак не мог приспособиться к советской действительности. Помню, Рамон удивленно говорил деду, что какие-то общественники пытаются «уплотнить» его семью. Как тут не вспомнить гениального Михаила Афанасьевича Булгакова. Дед посоветовал ему к следующему визиту общественников надеть пиджак со звездой Героя Советского Союза.

К изумлению Рамона, это сработало. Позднее, недовольный низким, по его мнению, темпом развития социализма в Советском Союзе, он эмигрировал на Кубу. Но когда Меркадер скончался, хоронили его в Москве. И хотя официальные лица не рекомендовали приглашать Эйтингона на похороны, вдова Ракель настояла на его присутствии.

Ни до тюрьмы, ни, что особенно поражает, после дед никогда не критиковал советскую власть, никогда не таил обиды на государство. Коллизии и трагические перипетии своей судьбы он воспринимал с пониманием и юмором: «Вот, Танюша, – говорил он, – отобрали у меня все мои ордена и дали медальку за Испанию...» Он мог отрицательно и даже уничижительно отзываться о некоторых действующих руководителях, с которыми встречался в прошлой жизни, но никогда – о государстве в целом. И его письма – тому подтверждение. Наверно, сегодня звучат наивными, а возможно, даже наигранными его поздравления с годовщиной Октября,

радость по поводу запуска ракеты или пуска на воду ледокола, но они были искренними.

Отношения в семье всегда были добрыми и уважительными. Никто никогда не кричал, не ругался. Ну, разве что бабушка повышала голос в ответ на мои детские шалости. Я полагаю, вернувшись из тюрьмы, дедушка испытывал угрызения совести за те страдания, которые причинил всем, и стал еще деликатнее в общении с нами.

Он, в отличие от бабушки, никогда не вмешивался в мою личную жизнь и не комментировал ее. Лишь однажды заметил: «Знаешь, а В. очень любит тебя. На что я ответила – да, я поняла это, но слишком поздно...»

Мама всегда, во всех спорных ситуациях и юношеских передрягах судила меня по справедливости. А бабушка и дед, наоборот, принимали мою сторону. Они прекрасно понимали, что к близким приходят прежде всего за сочувствием, сопереживанием и участием и уж потом, через некоторое время, когда всплеск эмоций сменится здравым смыслом, за советом.

Дед многое определил в моих вкусах и пристрастиях.

Я уже упоминала вначале о том, что мое взросление пришлось на период, известный как «оттепель». И все же повторюсь: все мы захлеб читали Солженицына, Дудинцева, увлекались поэзией самых популярных в то время – Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского и Андрея Вознесенского. Некоторые из их стихов, буквально «взорвавших»

мозг, помню до сих пор, а это – «Бабий яр», «Наследники Сталина»...

Однажды, вернувшись с поэтического вечера Евгения Евтушенко, куда я с большим трудом попала с помощью своего ухажера, начала дома хвалить поэта, цитируя понравившиеся лирические строки. На что дедушка, не возражая, заметил: «Лучше Пушкина о любви не писал никто» – и процитировал:

Сегодня век уж мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я должен утром быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Это заставило меня по-новому взглянуть на обязательные произведения школьной программы. И с тех пор «Евгений Онегин» наравне с «Горе от ума» – мои любимые книги, где всегда можно найти ответы на возникающие вопросы и отдельные места, созвучные твоему настроению.

В начале 1960-х годов все были увлечены Хемингуэем. У меня, как и во многих домах, красовался его знаменитый портрет в свитере грубой вязки. А 2-томник, вышедший в 1959 году, стал одним из первых в моей собственной библиотеке. На все мои восторги по поводу Хемингуэя дед как-то спокойно заметил: «Я встречался с ним в Испании и не в восторге от него. Советую тебе впредь научиться отделять творчество отдельных личностей от их человеческих качеств...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.